

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1596-1604
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1596

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Buddhist's Traditional Views on Violence and Non-Violence (On the Example of the Kalmyks of the Russian Empire)

Yulia Yu. Erendzhenova ^{a, *}

^a Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

The article deals with the ideas of Buddhist Kalmyks, who became Russian subjects in the 17th century and made a significant contribution to the strengthening of Russian statehood, about violent and non-violent methods of conflict resolution. Kalmyks traditionally profess Buddhism, which organically entered their ethnic culture and had a noticeable impact on their worldview. It is determined that the Kalmyks faithfully carried out military service for centuries, often being at the forefront of the Russian army. They guarded the southern borders of the country, participated in many Russian military campaigns. At the same time, the Kalmyks formed specific views based on the Buddhist ethics of non-violence, which was reflected in their legislative acts. The combination of the Buddhist ethics of non-violence and military prowess for the Kalmyks themselves might not seem contradictory to them due to their specific views on “skilful means” and spiritual development in accordance with Vajrayana Buddhism. Idealizing the image of angry protector deities, the Kalmyks could justify the military methods they used to influence their opponents, since they were defending the holy teaching and their people. However, it is important to bear in mind that the ideas of the Kalmyks cannot be equated with the very Buddhist idea of worshiping angry deities. According to Buddhist sources, the essence of this idea lies in the symbolic use of destructive states of mind on the path of rapid spiritual transformation. The Kalmyks could literally, that is, not quite correctly, interpret the Tantric teaching. At the same time, this interpretation allowed them to maintain spiritual strength to protect not only the Buddhist religion and their people, but also the entire population of Russia. The conclusions drawn allow us to expand the view of the ethical ideals of peoples who traditionally practice Buddhism.

Keywords: Kalmyks, Buddhism, military history, violence, ethics of non-violence, skilful means, Buddhist tantra.

1. Введение

Глобальные вызовы современного мира во многом обусловлены интерсоциальными проблемами, которые вызывают различного рода конфликты: политические, экономические, культурные. Культурные конфликты, обусловленные глубинными аксиологическими противоречиями, порождают межнациональную, межэтническую, межкультурную, межрелигиозную и даже межличностную рознь.

В современной науке сложились понятия «жесткая сила», что предполагает военные способы решения конфликтов, и «мягкая сила», под которой подразумевается использование невоенных методов воздействия на противоположную сторону. «Мягкой силой» пользуются негосударственные акторы, среди которых особое место занимают религиозные организации (Лебедева, 2017). Опираясь на религиозно-философские доктрины, религии апеллируют к равенству людей перед нравственными нормами и склоняют своих последователей к мирному разрешению конфликтов.

* Corresponding author

E-mail addresses: yulia.er16@gmail.com (Yu.Yu. Erendzhenova)

Одной из таких религий является буддизм, широко известный своим принципом ненасилия (санскр. ахимса). Понимание причинно-следственного закона кармы и взаимозависимости бытия позволяет буддизму активно включаться в процесс решения глобальных проблем человечества. В качестве примера обратимся к опыту реализации проекта «Буддизм и международное гуманитарное право», инициированного Международным Красным Крестом.

В ходе исполнения проекта коллектив ученых выявил, что буддийское учение имеет большой потенциал для уменьшения страданий людей, находящихся в зоне военных конфликтов. При этом исследователи подчеркивают, что буддийская религия не способна полностью удержать своих последователей от вовлечения в вооруженные столкновения (Bartles-Smith et al., 2020). Из этого следует, что доктринальный отказ буддизма от насилия не может быть решающим фактором при оценке реакции буддистов на случаи, когда требуется применение «жесткой силы», как и не является достаточным основанием для уверенности в приверженности буддистов «мягкой силе».

Так, для объективного исследования отношения буддистов к насилию и ненасилию важно изучить опыт тех людей, которые считают себя буддистами длительное время, то есть относят себя к так называемому «традиционному буддизму». В числе этих последователей Будды находятся и российские калмыки. В XVII веке они стали подданными России и тем самым привнесли буддийскую религию в российское социокультурное пространство. Логично предположить, что, много веков являясь адептами буддизма, калмыки должны были отказываться от участия в любых конфликтах, предполагающих насилие. Однако история убедительно доказывает, что калмыки активно участвовали во многих военных кампаниях России.

В связи с этим возникает необходимость исследования оснований интеграции традиционных представлений калмыков о насилии с доктринальным буддийским учением о ненасилии. Для достижения поставленной цели следует определить традиционное отношение калмыков к насилию посредством анализа их военной истории, затем рассмотреть влияние буддийской этики ненасилия на представления калмыков, а также обосновать возможное допущение насилия в самой буддийской культуре, распространившейся в калмыцком обществе.

2. Материалы и методы

Эмпирическая база исследования представлена нормативно-правовыми документами, которыми руководствовались предки калмыков (ойраты), находясь в пределах Монгольской империи, и сами калмыки, будучи подданными Российской империи. Это – текст XIII века «Цаган теуке» (с монг. «Белая история») (Белая история, 2001) и законы XVII в. «Ики Цааджин бичиг» (с монг. «Великое уложение») (Монголо-ойратские законы..., 1880). Основные вехи военной истории калмыков приведены по результатам ряда исторических исследований ведущих калмыковедов.

В работе также используются религиозные источники – труды буддийских наставников, обладавших большим авторитетом среди калмыков в XVII – начале XX вв. Первый из них – это индийский пандит (с санскр. ученый) Шантидева (685–763), написавший трактат «Вступление в практику Бодхисаттв» (Шантидева, 2007), где изложены краеугольные идеи буддизма Махаяны. Это направление буддизма провозглашает своими главными принципами сострадание и личное совершенствование во имя спасения всех живых существ.

Наиболее известным буддийским автором среди калмыков является Чже Цонкапа (1357–1419), основатель тибетской буддийской традиции гелуг. Его труд «Большое руководство к этапам пути мантры» (Цонкапа, 2019) систематизирует знания и опыт тибетцев, которые они передали калмыкам, о сущности и отличительных характеристиках буддизма Ваджраяны. Считается, что данное буддийское направление сформировалось в Индии на базе интеграции буддийской теории о природе Будды и практики тантры.

Поскольку исследование поднимает вопрос о допущении насилия в буддизме, в качестве источника также рассматривается текст «Колесо острых орудий тренировки ума в Махаяне» Дхармаракшиты (ок. X в.) (Dharmarakshita, 2010). Воззрения этого буддийского учителя оказали непосредственное влияние на Джово Атишу (982–1054), главного проповедника тибетской традиции кадам, на которую опирался вышеупомянутый Чже Цонкапа.

Данные тексты рассматриваются, исходя из принципа «когнитивной скромности», разработанного в рамках межкультурной философии. Посредством «когнитивной скромности» становится возможным проникнуть в суть буддийской культуры и объяснить допустимость насилия в буддийской теории и практике с точки зрения буддийских авторов. Межкультурная философия призывает учитывать мнение восточных философов о содержании и особенностях их традиций равноценно и равнозначно с западными теориями (Степанянц, 2020: 10-25).

Методологический инструментарий исследования включает историко-культурологический подход, принцип «когнитивной скромности», феноменолого-герменевтический анализ. Ретроспективный ракурс вкупе с анализом отражения религиозной тематики в культуре обуславливает историко-культурологический подход к исследованию традиционных взглядов калмыков-буддистов о насилии и ненасилии. Данный подход обосновывает обращенность к калмыцкой военной истории, а также изучение

базовых законодательных источников, на основе которых сформировались представления калмыков о применении насильственных и ненасильственных способов наказания за правонарушения.

Феноменолого-герменевтическая методика позволяет на основе герменевтического анализа текстов сосредоточить внимание на значении отдельных феноменов в субъективной реальности человека. Под текстами понимается все, что может быть интерпретировано. Соответственно, с помощью этой методики можно постараться заглянуть в субъективный мир калмыков и выявить значение идей о насилии и ненасилии для них самих же.

3. Обсуждение

Проблема соотношения идей буддизма (наряду с другими религиозными традициями) с практикой насилия и ненасилия является предметом изучения многих ученых. Особое звучание она приобрела в связи с ростом экстремистских формирований, оправдывающих свои устремления религиозными представлениями, и случаев межнациональных распри с религиозной коннотацией. Исследователи убеждены, что данная проблематика должна рассматриваться как можно шире, чтобы определить наиболее глубокие связи между религией, этничностью, национализмом, а также расовыми, политическими, гендерными и экономическими факторами (Murphy, 2011: 1-2).

В отечественном дискурсе вопрос о насилии и ненасилии в буддизме поднимается в работах С.В. Постникова и С.В. Резника. Оба исследователя отмечают, что учение действительно обязывает буддистов выбирать позицию ахимсы, однако в особых случаях при необходимости защиты в альтруистических целях разрешается применять силу (Постников, 2016; Резник, 2018). При этом Ж.А. Аякова подчеркивает, что именно буддийская этика ненасилия, пропагандирующая толерантность и всеобщую ответственность, может быть одним из факторов устойчивого развития всего человечества (Аякова, 2017).

Известный философ-религиовед А.П. Забияко в свою очередь задается вопросом о том, насколько устойчивым является сам буддизм по отношению к отказу от насилия. Несмотря на то, что в буддизме репрессивное содержание религии минимизировано, все же нельзя идеализировать восприятие буддийских идей, так как оно может исказиться в силу модификации и мимикрии самого «вируса насилия» (Забияко, 2011).

Справедливости ради необходимо отметить, что буддисты осознают угрозу такого исхода. К примеру, еще в 2003 году буддийский монах из Шри-Ланки Махинда Дигаль, одновременно являвшийся преподавателем британского Университета Бат Спа, проанализировал религиозные тексты и сделал довольно категоричный вывод о том, что буддисты не должны искать никаких оправданий для насилия (Deegalle, 2003).

Кандидат богословия С.И. Шатравский обращает внимание на то, что призыв к насилию среди буддистов по сути обусловлен этнополитическими мотивами, либо фигуранты экстремистских действий на самом деле представляют нео- или псевдобуддийские организации (Шатравский, 2020). Одно из подтверждений этого находим в словах духовного лидера тибетской буддийской традиции Его Святейшества Далай-ламы XIV, который связывает акты самосожжения тибетцев в большей степени с их протестом против политической ситуации в Тибете (Davis, 2016). Если тибетцы совершали насилие только над собой, то члены псевдобуддийской организации «Аум синрикё» подвергли страданиям тысячи людей, ссылаясь на якобы особые методы духовного спасения буддизма Ваджраяны (Watanabe, 2019).

Ваджраяна в своей полноте упрочилась в Тибете. Дж. Далтон, изучив древние манускрипты и исторические хроники, сделал вывод о том, что тибетцы не сразу поняли символический смысл тантрических практик и порой совершали даже ритуальные убийства. Однако впоследствии была осуществлена ревизия, и религиозный культ был приведен в соответствие с доктринами Ваджраяны (Dalton, 2011: 95-109).

К. Гиллберг подчеркивает, что исторически тибетская культура, равно как и любая другая, не была склонна к отказу от насилия. Однако исследовательница соглашается, что более прочная адаптация буддизма в Тибете привела к тому, что тибетцы стали мягче и миролюбивее. Интересно, что относительно воинственный настрой среди тибетцев все же сохраняется до сих пор, поскольку они ждут начала священной войны, предсказанной в тантрическом учении Калачакры (Gillberg, 2006).

Краеугольные буддийские идеи, включая принцип ахимсы, отразились в социальных нормах и культурных ценностях калмыков (Бадмаев и др., 2018: 23-64). Это было закреплено в законодательных актах, регулировавших жизнь калмыцкого общества (Ulanov et al., 2017). Одним из первых, кто обратил внимание на религиозный фактор военной истории калмыков, был дореволюционный исследователь Г.Н. Прозрителев, описавший калмыцкие знамена с буддийскими изображениями и текстами (Прозрителев, 1912: 90-95).

Б.У. Китинов полагает, что воинственность калмыков так же, как и их предков – ойратов, не противоречила буддийским установлениям. Более того, в буддийских текстах, которые получили широкое хождение в калмыцком обществе, прямо говорится о важности справедливой войны, необходимой для защиты Отечества и веры (Китинов, 2013). Вероятно, таких идей придерживались

калмыки-казаки, составлявшие значительную военную силу области Войска Донского, но сохранившие верность буддийской религии (Уланов, Андреева, 2021).

Что касается вопроса о принципиальном отношении буддизма к войне и воинской повинности, то М.С. Уланов нашел подтверждение тому, что Будда Шакьямуни не призывал к полному разоружению. В буддийской традиции даже существует предписание о том, что человек имеет право принять монашеские обеты только после исполнения воинского долга (Уланов, 2015).

Таким образом, результаты исследований позволяют сформировать общую картину буддийской этики ненасилия, идей о насильственных методах борьбы, их восприятию буддистами разных времен и стран, включая калмыков. Тем не менее все еще неясным остается механизм интеграции этики ненасилия и воинского долга как у калмыков, так и у других традиционных буддистов.

4. Результаты

По калмыцкому обычаю все взрослые дееспособные мужчины считались воинами, они с детства занимались боевой подготовкой, чтобы стать искусными всадниками и владеть оружием. Калмыки постоянно совершенствовали свои навыки за счет боевого опыта и различных тактических приемов (Очиров, 2012). В калмыцком фольклоре сохранились песни о мужестве, храбрости и доблести калмыцких воинов (Коваева, Хабунова, 2010).

История калмыков неразрывно связана с их военным прошлым. Добровольно войдя в состав России, калмыки защищали ее южные границы, выступали под знаменами Петра I, участвовали в русско-турецких войнах 1735–1739 гг., 1768–1774 гг., исполняли воинский долг во время Семилетней войны 1756–1763 гг., часть калмыков несла постоянную службу в составе Донского казачьего войска (Шовунов, 1991).

Во время Отечественной войны 1812 года калмыцкие воины служили в 3-й Западной армии. Их численность личного и конского состава превышала количество людей в других национальных полках. Калмыцкая конница производила лобовые атаки, а в случаях отступления участвовала в арьергардных боях (Очиров, 2022).

Все эти факты свидетельствуют о том, что калмыки считали своим долгом прибегать к насилию при необходимости защиты интересов империи. Однако, если обратиться к законодательным актам, которыми издавна руководствовались калмыки, то в них довольно четко прослеживается их осознанный выбор принципа ненасилия.

В «Цаган теуке», одном из древнейших монгольских текстов, датированном XIII веком, все монгольские народы признавали равенство светских правителей и буддийских духовных наставников. Наряду с этим они обязались следовать буддийским заповедям, квинтэссенцией которых являлись сострадание и отказ от какого-либо насилия (Белая история, 2001: 72-81).

Присутствуя на съезде всех монгольских народов в 1640 году, калмыки дали клятву быть верными буддийской религии в составленном своде законов «Ики Цааджин бичиг». Свою верность этическим идеалам буддизма они подтвердили тем, что в перечне наказаний за различного рода преступления практически отсутствует смертная казнь. Лишь две провинности карались смертной казнью – дезертирство с поля битвы и намеренное утаивание информации о возможном нападении врагов. Во всех остальных случаях, даже за серьезные конфликты и убийство человека, полагалось выплатить штраф. Несколько статей посвящены принципам почтительного поведения мирян по отношению к буддийским монахам. При этом прописаны наказания и для монахов в случае их неэтичного поведения (Монголо-ойратские законы..., 1880: 35-60).

Таким образом, можно сделать вывод, что с принятием буддизма калмыки отказались от жестокости, признали возможность ненасильственных методов разрешения конфликтов и наказания, стали придерживаться буддийских этических принципов, продиктованных буддизмом Махаяны.

Этический идеал Махаяны – Бодхисаттва, в сознании которого присутствуют сострадание и бодхичитта (с санскр. мысль о просветлении). Эти качества способствуют отказу Бодхисаттвы от вредности и обеспечивают мощную духовную трансформацию. В калмыцкой буддийской традиции воспевался образ Бодхисаттвы, сформировавшийся на основе религиозно-философского текста Шантидевы «Вступление в практику Бодхисаттв».

Шантидева детально расписывает путь, который необходимо пройти личности, нацеленной на просветление ради всеобщего блага. Тех, кто решается пройти этот путь, Шантидева называет «Высшими Героическими Существами» (Шантидева, 2007: 73). Об одном из Бодхисаттв, Ваджрапани, он пишет следующие строки: «Я принимаю Прибежище в том, кто видом своим устрашает Посланцев Владыки Смерти и других злобных существ и рассеивает их в четырех сторонах света – в Держателе Ваджры» (Шантидева, 2007: 84).

В главе, посвященной развитию терпения, Шантидева указывает на то, что настоящим врагом следует считать гнев, поскольку он является причиной многих страданий. Победа в яростной схватке с этим врагом должна привести Бодхисаттву к блаженству (Шантидева, 2007: 148). Судя по этому, буддистам предлагается направить ярость на свой же гнев и, избавившись от него, обрести счастье. Получается, что благая цель оправдывает довольно жесткий метод – ярость.

Такая противоречивость буддийского подхода имеет доктринальное основание в идее «упая каушалья» (с санскр. искусные средства). Упая каушалья – буддийская категория, обуславливающая применение широкого спектра методов Бодхисаттвы. Примечательно, что под «искусными средствами» в буддизме зачастую понимаются поступки, которые порицаются той же буддийской этикой (к примеру, убийство или ложь) (McGarrity, 2009).

Буддисты делают акцент на том, что видимые проступки относятся к физическим и речевым актам, при этом нигде не упоминается, что Бодхисаттва может преступить запреты на негативные деяния ума. Считается, что интенциональность Бодхисаттвы обусловлена его устремленностью к освобождению во благо всех живущих. Тогда и все его действия на уровне тела и речи приобретают добродетельный окрас, хотя и видятся обывателям как прямое нарушение буддийских заповедей.

Если рассматривать духовный путь Бодхисаттвы с учетом идеи «искусных средств», то особый смысл приобретает указание в текстах на различные виды боевого оружия. В популярном трактате Дхармаракшиты «Колесо острых орудий тренировки ума в Махаяне» даются рекомендации по практике развития бодхичитты. Дхармаракшита так же, как и Шантидева, признает, что Бодхисаттвы «благодаря геройской силе всегда пребывают в счастье» (Dharmarakshita, 2010: 93).

Далее по тексту автор в традиционном буддийском стиле осознает необходимость отказа от цепляния за собственную самость и взывает к божеству Ямантаке с просьбой о помощи: «...Прокрути колесо острых орудий три раза над его головой... Обнаженными клыками четырех сил ударь врага... Призови его, призови его, гневный Ямантака! Ударь его, ударь его, пронзи сердце этого врага – самость... Нанеси смертельный удар в сердце этого мясника и врага – эго!» (Dharmarakshita, 2010: 98).

Крайне важно обратить внимание на то, что подобная риторика имеет своей целью борьбу только с внутренним врагом. Это подтверждают строки Шантидевы: «Те, кто, презрев все страдания, уничтожают врагов – ненависть и прочие клеши, – одержавшие такие победы – вот кто Герои, а остальные победители – это убийцы трупов» (Шантидева, 2007: 152). Иными словами, в буддизме нисколько не поощряется убийство живых существ, которые и так умрут вследствие омрачений и кармы. Тема насилия поднимается только в связи с внутренней духовной трансформацией личности. По всей видимости, этот процесс довольно труден и требует жесткого сопротивления со стороны буддиста. Академик А.А. Гусейнов справедливо заметил, что отказ от насилия отнюдь не показатель слабости и бездействия. Наоборот, сторонники ненасильственной борьбы обладают огромным мужеством и бесстрашием (Гусейнов, 1992).

Упоминание Ваджрапани и Ямантаки в исследуемых текстах отсылает к буддизму Ваджраяны, где «искусные средства» имеют особый оттенок. Как разъясняет Чже Цонкапа, главным методом Ваджраяны является йога божества, при которой буддисты визуализируют себя в образе тантрического божества. Символический характер данной религиозной практики требуется для использования деструктивных состояний ума на пути быстрого духовного развития. В то же время предписывается сохранять интенцию бодхичитты как гарантию того, что тантристы не станут нарушать буддийские этические принципы и давать волю страсти и гневу в действительности (Цонкапа, 2019: 96-118).

В «Цаган теуке» делался акцент на приверженности монгольских народов тантрическому буддизму (Белая история, 2001: 77-78), а в «Ики Цааджин бичиг» первым из божеств упоминается Очир-дара (санскр. Ваджрадхара), персонификация изначального Будды в Ваджраяне (Монголо-ойратские законы..., 1880: 35). Г.Н. Прозрителев зафиксировал, что калмыцкие воины изображали грозных буддийских божеств-защитников на своих боевых знаменах (Прозрителев, 1912: 90).

Эти божества в буддизме Ваджраяны называются дхармапалами и относятся к просветленным личностям, намеренно обретшим гневный образ. У дхармапал крепкое телосложение, несколько голов, множество рук и ног, рты с длинными клыками искривлены в гневной улыбке, в выпученных и налитых кровью глазах застыла злость, волосы связаны в пучок и скреплены змеей (Nebesky-Wojkowitz, 1996: 6).

С.Р. Батомункуева на основе ритуального текста составила описание Шестирукого Махакалы, главного защитника тибетской традиции гелуг, к которой традиционно относят себя калмыки. Он физически подобен герою, «свирепый и могущественный, с гневным лицом и оскаленными острыми клыками». Наряду с чисто религиозными принадлежностями в руках божества-защитника находятся атрибуты воина: изогнутый нож, трезубец, аркан. Устрашающий образ дополняется ожерельем из пятидесяти свежих кровоточащих голов. В его свите присутствует защитница Палден Лхамо, неистово размахивающая пылающим огнем мечом. Далее приводится описание других дхармапал, грозный вид которых дополняется кровью, черепами и различным оружием (Батомункуева, 2021).

Думается, что калмыки, в большинстве своем не сведущие в содержании и символизме буддийской тантры, могли буквально воспринимать этих божеств за некий идеал воина. Тогда следует признать, что неверные с точки зрения буддийской этики поступки в субъективной реальности калмыков могли изначально трактоваться ими как подобающее поведение в контексте защиты святого учения и своего народа.

Если вновь вспомнить случаи саможжения тибетцев в XXI веке, то исследователи Дж. Собослай и Дж. Грубер обратили внимание не столько на доктринальное основание этих актов, сколько на их субъективное значение для самих тибетцев. Судя по их действиям и высказываниям непосредственно перед смертью, они были уверены в своем долге, заключавшемся в защите религии, идентичности и культуры, даже ценой собственной жизни (Soboslai, Gruber, 2018).

5. Заключение

Таким образом, интеграция традиционных представлений калмыков о насилии с доктринальным буддийским учением о ненасилии, вполне вероятно, произошла вследствие их приверженности буддизму Ваджраяны. Тантрический буддизм, призывая к борьбе с внутренними врагами, допускает насильственные методы и использует военную символику в изображениях божеств-защитников. Соприкасаясь с таким религиозным культом, калмыки могли считать насилие необходимым средством для обретения всеобщего блага, что помогло им сохранить славу воинов и в то же время духовно развиваться.

Необходимо отметить, что это справедливо в большей степени в контексте защиты религии и Отечества, но не агрессии. Законодательные источники, регулировавшие общественную жизнь калмыков, свидетельствуют об отказе калмыков от насильственных методов разрешения конфликтов и наказания. Сделанные выводы позволяют немного расширить взгляд на этические идеалы народов, традиционно исповедующих буддийскую религию.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Литература

- Аякова, 2017 – Аякова Ж.А. Буддийская этика ненасилия как фактор устойчивого развития // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2017. № 2. С. 118-122.
- Бадмаев и др., 2018 – Бадмаев В.Н., Долгорсурэн Ж., Уланов М.С. Калмыцкий этнос: культурные традиции и цивилизационные вызовы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. 119 с.
- Батомункуева, 2021 – Батомункуева С.Р. Образ Шестирукого Махакалы и его окружения в тексте «Ритуал умилостивления и подношения торма Быстродействующему Защитнику Мудрости – Шестирукому Махакале» // *Oriental Studies*. 2021. № 14(3). С. 568-580.
- Белая история, 2001 – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII – XVI вв. / Пер. П.Б. Балданжапова, Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 253 с.
- Гусейнов, 1992 – Гусейнов А.А. Этика ненасилия // *Вопросы философии*. 1992. № 3. С. 72-81.
- Забияко, 2011 – Забияко А.П. Есть ли у буддизма иммунитет против насилия? Дискуссионные проблемы теории и практики / *Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию / Материалы II Международной научно-практической конференции*. М.: Алмазный путь, 2011. С. 765-771.
- Китинов, 2013 – Китинов Б.У. Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов) / *Буддизм Ваджраяны в России: Исторический дискурс и сопредельные культуры / Коллективная монография*. М.: Алмазный путь, 2013. С. 45-54.
- Коваева, Хабунова, 2010 – Коваева Б.М., Хабунова Е.Э. Народная протяжная песня как памятник воинской доблести калмыков // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 4–2(64). С. 31-33.
- Лебедева, 2017 – Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 3(54). С. 212-223.
- Монголо-ойратские законы..., 1880 – Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук Даши / Пер. К.Ф. Голстунского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 143 с.
- Очиров, 2012 – Очиров А.В. Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX в.) // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 9(113). С. 333-338.
- Очиров, 2022 – Очиров У.Б. Национальные конные полки 3-й западной армии в осенних боях 1812 г. // *Центр и периферия*. 2022. № 2. С. 29-37.
- Постников, 2016 – Постников С.В. Ретроспективный взгляд на отношение религии к войне и вооруженному насилию // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2016. Т. 10. № 2. С. 85-90.
- Прозрителев, 1912 – *Прозрителев Г.Н.* 1812–1912. Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь: Типография губернского правления, 1912. 354 с.

Резник, 2018 – Резник С.В. Концепты насилия и ненасилия в идеологии и культурных практиках мировых религий (к постановке проблемы) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право»*. 2018. Т. 43. № 3. С. 498-503.

Степанянц, 2020 – Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 183 с.

Уланов, 2015 – Уланов М.С. Религиозно-философский взгляд буддизма на проблему войны и мира // *Вестник Калмыцкого университета*. 2015. № 4(28). С. 53-58.

Уланов, Андреева, 2021 – Уланов М.С., Андреева А.А. Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России // *Новые исследования Тувы*. 2021. № 2. С. 100-114.

Цонкапа 2019 – Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): В 3 т. Т. I. / Пер. А. Кутявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. 512 с.

Шантидева, 2007 – Шантидева. Bodhicaryāvatāra: Вступление в практику Бодхисаттв / Пер. И.С. Урбанаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 327 с.

Шатравский, 2020 – Шатравский С.И. Экстремизм в буддизме: правда или вымысел? // *Профилактика религиозного экстремизма: ценностно-мировоззренческие аспекты / Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции*. Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2020. С. 116-123.

Шовунов, 1991 – Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

Bartles-Smith et al., 2020 – Bartles-Smith A., Crosby K., Harvey P., et al. Reducing Suffering during Conflict: the Interface Between Buddhism and International Humanitarian Law // *Contemporary Buddhism*. 2020. Vol. 21. No. 1-2. P. 369-435.

Dalton, 2011 – Dalton J.P. The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. New Haven & London: Yale University Press, 2011. 311 p.

Davis, 2016 – Davis L.S. Enacting the Violent Imaginary: Reflections on the Dynamics of Nonviolence and Violence in Buddhism // *SOPHIA*. 2016. No. 55. P. 15–30.

Deegalle, 2003 – Deegalle M. Is Violence Justified in Theravada Buddhism? // *The Ecumenical Review*. 2003. Vol. 55. No. 2. Pp. 122-131.

Dharmarakshita, 2010 – Dharmarakshita. Theg pa chen po'i blo sbyong mtshon cha 'khor lo [Koleso ostrykh orudii trenirovki uma v Makhayane] // bLo sbyong brgya rtsa phyogs sgrig [Sbornik sotni trenirovok uma]. Lhasa: Ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang, 2010. Pp. 109-122.

Gillberg, 2006 – Gillberg C. Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective // *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*. 2006. No. 19. Pp. 77-92.

McGarrity, 2009 – McGarrity A. Using Skilful Means Skilfully: The Buddhist Doctrine of Upāya and Its Methodological Implications // *Journal of Religious History*. 2009. № 33. P. 198-214.

Murphy, 2011 – Murphy A.R. (ed) The Blackwell Companion to Religion and Violence. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. 632 p.

Nebesky-Wojkowitz, 1996 – Nebesky-Wojkowitz de. R. Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Book Faith India, 1996. 666 p.

Soboslai, Gruber, 2018 – Soboslai J., Gruber J. The Bodhisattva, the Dharmarāja, and the Dalai Lamas: Evaluating the Religious and Political Causes of Tibetan Self-Immolation // *Journal of the American Academy of Religion*. 2018. No. 86(3). P. 759-788.

Ulanov et al., 2017 – Ulanov M.S., Badmaev V.N., Holland E.C. Buddhism and Kalmyk Secular law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *Inner Asia*. 2017. Vol. 19(2). Pp. 297-314.

Watanabe, 2019 – Watanabe M. Salvation and Violence in Japanese Buddhism: The Case of Aum Shinrikyō // *The Dao Companion to Japanese Buddhist Philosophy. Dao Companions to Chinese Philosophy*, edited by G. Kopf. Dordrecht: Springer, 2019. Pp. 287-304.

References

Ayakova, 2017 – Ayakova, Zh.A. (2017). Buddiiskaya etika nenasiliya kak faktor ustoiichivogo razvitiya [Buddhist ethics of non-violence as a factor of sustainable development]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 118-122. [in Russian]

Badmaev et al., 2018 – Badmaev, V.N., Dolgorsuren, Zh., Ulanov, M.S. (2018). Kalmytskii etnos: kul'turnye traditsii i tsivilizatsionnye vyzovy [Kalmyk ethnos: cultural traditions and civilizational challenges]. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta. 119 p. [in Russian]

Bartles-Smith et al., 2020 – Bartles-Smith, A., Crosby, K., Harvey, P. et al. (2020) Reducing Suffering during Conflict: the Interface Between Buddhism and International Humanitarian Law. *Contemporary Buddhism*. 21(1-2): 369-435.

Batomunkueva, 2021 – Batomunkueva, S.R. (2021). Obraz Shestirukogo Makhakaly i ego okruzeniya v tekste «Ritual umilostivleniya i podnosheniya torma Bystrodeistvuyushchemu Zashchitniku Mudrosti – Shestirukomu Makhakale» [The Image of the Six-armed Mahakala and His Retinue in the Text «The Ritual of Propitiation and the Offering of the Torma for the Swift-Acting Wisdom Protector, the Six-armed Mahakala»]. *Oriental Studies*. 14(3): 568-580. [in Russian]

- Belaya istoriya, 2001** – «Belaya istoriya» – mongol'skii istoriko-pravovoi pamyatnik XIII – XVI vv. [“White History” – Mongolian historical and legal monument of the XIII – XVI centuries], 2001. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 253 p. [in Russian]
- Dalton, 2011** – Dalton, J.P. (2011). The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. New Haven: Yale University Press. 311 p.
- Davis, 2016** – Davis, L.S. (2016). Enacting the Violent Imaginary: Reflections on the Dynamics of Nonviolence and Violence in Buddhism. *SOPHIA*. 55: 15-30.
- Deegalle, 2003** – Deegalle, M. (2003). Is Violence Justified in Theravada Buddhism? *The Ecumenical Review*. 55(2): 122-131.
- Dharmarakshita, 2010** – Dharmarakshita (2010). Theg pa chen po'i blo sbyong mtshon cha 'khor lo [Wheel of sharp weapons of mind training in Mahayana]. *bLo sbyong brgya rtsa phyogs sgrig* [Compilation of hundreds of mind trainings]. Lhasa: Ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang, pp. 109-122. [in Tibetan]
- Gillberg, 2006** – Gillberg, C. (2006). Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*. 19: 77-92.
- Guseinov, 1992** – Guseinov, A.A. (1992). Etika nenasiliya [Ethics of non-violence]. *Voprosy filosofii*. 3: 72-81. [in Russian]
- Kitinov, 2013** – Kitinov, B.U. (2013). Voina v buddiiskoi traditsii (na primere istorii buddizma u oiratov) [War in Buddhist tradition (on example of Buddhist history of the Oirats)]. *Buddizm Vadzhrayany v Rossii: Istoricheskii diskurs i sopedel'nye kul'tury: Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Almaznyi put', pp. 45-54. [in Russian]
- Kovaeva, Khabunova, 2010** – Kovaeva, B.M., Khabunova, E.E. (2010). Narodnaya protyazhnaya pesnya kak pamyatnik voinskoi doblesti kalmykov [Folk lingering song as a monument to the military prowess of the Kalmyks]. *Nauchnaya mys' Kavkaza*. 4-2(64): 31-33. [in Russian]
- Lebedeva, 2017** – Lebedeva, M.M. (2017). «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 3(54): 212-223. [in Russian]
- McGarrity, 2009** – McGarrity, A. (2009). Using Skilful Means Skilfully: The Buddhist Doctrine of Upāya and Its Methodological Implications. *Journal of Religious History*. 33: 198-214.
- Murphy, 2011** – Murphy, A.R. (ed) (2011). The Blackwell Companion to Religion and Violence. Malden, MA: Wiley-Blackwell. 632 p.
- Mongolo-oiratskie zakony..., 1880** – Mongolo-oiratskie zakony 1640 goda, dopolnitel'nye ukazy Galdan-Khun-Taidzhiya i zakony, sostavlennye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk Dashi [Mongol-Oirat laws of 1640, additional decrees of Galdan-Khun-Taiji and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk Dashi], 1880. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 143 p. [in Russian]
- Nebesky-Wojkowitz, 1996** – Nebesky-Wojkowitz, de. R. (1996). Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Book Faith India. 666 p.
- Ochirov, 2012** – Ochirov, A.V. (2012). Uchastie kalmykov v voynakh Rossii (pervaya tret' XVIII – nachalo XIX v.) [Participation of Kalmyks in wars of Russia (first third of 18th – beginning of 19th centuries)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 9(113): 333-338. [in Russian]
- Ochirov, 2022** – Ochirov, U.B. (2022). Natsional'nye konnye polki 3-i zapadnoi armii v osennikh boyakh 1812 goda [National cavalry regiments of the 3rd Western Army in the autumn battles of 1812]. *Tsentr i periferiya*. 2: 29-37. [in Russian]
- Postnikov, 2016** – Postnikov, S.V. (2016). Retrospektivnyi vzglyad na otnoshenie religii k voine i vooruzhennomu nasiliyu [Retrospective view on the relation of religion to war and armed violence]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 10(2): 85-90. [in Russian]
- Prozritelev, 1912** – Prozritelev, G.N. (1912). 1812–1912. Voennoe proshloe nashikh kalmyk. Stavropol'skii kalmytskii polk i Astrakhanskii polki v Otechestvennuyu voinu 1812 goda [The military past of our Kalmyks. Stavropol Kalmyk regiment and Astrakhan regiments during the Patriotic War of 1812]. *Trudy Stavropol'skoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vypusk 3*. Stavropol': Tipografiya gubernskogo pravleniya. 354 p. [in Russian]
- Reznik, 2018** – Reznik, S.V. (2018). Kontsepty nasiliya i nenasiliya v ideologii i kul'turnykh praktikakh mirovykh religii (k postanovke problemy) [The concepts of violence and nonviolence in ideology and cultural practices of world religions (problem statement)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 43(3): 498-503. [in Russian]
- Shantideva, 2007** – Shantideva (2007). Bodhicaryāvatāra: Vstuplenie v praktiku Bodhisattva [Bodhicaryāvatāra: Entry into practice of Bodhisattvas]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsehra SO RAN. 327 p. [in Russian]
- Shatravskii, 2020** – Shatravskii, S.I. (2020). Ekstremizm v buddizme: pravda ili vymysel? [Extremism in Buddhism: fact or fiction?]. *Profilaktika religioznogo ekstremizma: tsennostno- mirovozzrencheskie aspekty: Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet imeni I.S. Turgeneva, pp. 116-123. [in Russian]

Shovunov, 1991 – *Shovunov, K.P.* (1991). Ocherki voennoi istorii kalmykov (XVII–XIX vv.) [Essays on the military history of the Kalmyks (XVII–XIX centuries)]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 189 p. [in Russian]

Soboslai, Gruber, 2018 – *Soboslai, J., Gruber, J.* (2018). The Bodhisattva, the Dharmarāja, and the Dalai Lamas: Evaluating the Religious and Political Causes of Tibetan Self-Immolation. *Journal of the American Academy of Religion*. 86(3): 759-788.

Stepanyants, 2020 – *Stepanyants, M.T.* (2020). Mezhhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy [Intercultural philosophy: origins, methodology, problems, perspectives]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura. 183 p. [in Russian]

Tsonkapa 2019 – *Tsonkapa, Je.* (2019). Bol'shoe rukovodstvo k etapam puti mantry (Nagrim Chenmo) [The Great Guide to the Stages of the Mantra Path (Nagrim Chenmo)]. Volume 2. Saint-Petersburg: Izdanie A. Terent'eva. 800 p. [in Russian]

Ulanov, 2015 – *Ulanov, M.S.* (2015). Religiozno-filosofskii vzglyad buddizma na problemu voyny i mira [Religious and philosophical view of Buddhism on the problem of war and peace]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 4(28): 53-58. [in Russian]

Ulanov, Andreeva, 2021 – *Ulanov, M.S., Andreeva, A.A.* (2021). Buddizm i donschie kalmyki-kazaki v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii [Buddhism and the Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2: 100-114. [in Russian]

Ulanov et al., 2017 – *Ulanov, M.S., Badmaev, V.N., Holland, E.C.* (2017). Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Inner Asia*. 19(2): 297-314.

Watanabe, 2019 – *Watanabe, M.* (2019). Salvation and Violence in Japanese Buddhism: The Case of Aum Shinrikyō. *The Dao Companion to Japanese Buddhist Philosophy. Dao Companions to Chinese Philosophy*. Dordrecht: Springer, pp. 287-304.

Zabiyako, 2011 – *Zabiyako, A.P.* (2011). Est' li u buddizma immunitet protiv nasiliya? Diskussionnye problemy teorii i praktiki [Is Buddhism immune to violence? Controversial Problems of Theory and Practice]. *Buddizm Vadzhrayany v Rossii: ot kontaktov k vzaimodeistviyu. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Almaznyi put', pp. 765-771. [in Russian]

Традиционные представления буддистов о насилии и ненасилии (на примере калмыков Российской империи)

Юлия Юрьевна Эрендженова ^{a, *}

^a Калмыцкий государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются представления калмыков-буддистов, в XVII веке ставших российскими подданными и внесших значительный вклад в укрепление российской государственности, о насильственных и ненасильственных методах разрешения конфликтов. Калмыки традиционно исповедуют буддизм, который органично вошел в их этническую культуру и оказал заметное влияние на их мировоззрение. Определено, что калмыки на протяжении веков верно несли военную службу, зачастую находясь в авангарде российской армии. Они охраняли южные рубежи страны, участвовали во многих военных кампаниях России. В то же время калмыки сформировали специфические взгляды, обусловленные буддийской этикой ненасилия, что было отражено в их законодательных актах. Сочетание буддийской этики ненасилия и воинской доблести для самих калмыков могло не казаться им противоречивым ввиду их специфических взглядов на «искусные средства» и духовное развитие в соответствии с буддизмом Ваджраяны. Идеализируя образ гневных божеств-защитников, калмыки могли оправдывать используемые ими военные методы воздействия на противников, поскольку защищали святое учение и свой народ. Однако важно учитывать, что представления калмыков нельзя приравнивать к самой буддийской идее поклонения гневным божествам. В соответствии с буддийскими источниками, сущность этой идеи заключается в символическом использовании деструктивных состояний ума на пути быстрой духовной трансформации. Калмыки могли буквально, то есть не совсем верно, интерпретировать тантрическое учение. При этом данная интерпретация позволила им сохранить духовную силу для защиты не только буддийской религии и своего народа, но и всего населения России. Сделанные выводы позволяют расширить взгляд на этические идеалы народов, традиционно исповедующих буддизм.

Ключевые слова: буддизм, калмыки, военная история, насилие, этика ненасилия, искусные средства, буддийская тантра.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yulia.er16@gmail.com (Ю.Ю. Эрендженова)